

Подберезкин Ф.Д.
МЕЧЕНОСЦЫ И БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ:
БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЕГОРИИ В ХРОНИКЕ ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

Хронист и общество: точки соприкосновения. Особенности положения исследователя крестовых походов состоит в том, что он ориентируется на информацию источника, созданного, говоря современным языком, «энтузиастом для энтузиастов и об энтузиастах». В ситуации с Ливонией мы имеем дело с добровольцами из северных областей Германии, организуемых посредством проповеди [1, с. 79], [2, с. 59], оставивших свои дома либо ради отпущения грехов, либо для личной славы. Большинство их возвращалось домой, и только небольшая группа рыцарей, принявших обет монашества (а значит, и неприятия материальных выгод) составляла оплот церкви на занятых территориях. Всё это позволяет судить о *высокой степени иррационального* (в понимании современника) в мотивации поведения пилигримов. Исполнение своего личного долга по отношению к Богу – это и было «рациональной», движущей силой крестоносца.

Путём сравнительного анализа священных текстов и хроники Генриха Латвийского мы попытаемся определить, как воспринимали свою миссию сами пилигримы, каково было их видение своего места в «провидении Божиим».

Тождественность восприятия хронистов и крестоносцев. В книге Откровения Иоанна Богослова есть такие слова: *«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»* [3]. Здесь говорится о неприемлимости для Церкви Христовой «тёплого» состояния, требуется «горячее» или деятельное отношение к действительности. Естественно, желаемый идеал далеко не всегда соответствует действительности. Можно заключить, что, между восприятием происходящего хронистом как духовным лицом и пилигримами как «ловцами» душ человеческих, существовала тождественность, т.е. не было той дистанции, которая вынудила бы нас воспринимать религиозную терминологию хронистов как присущую только духовному сословию. В поведении участников описываемых событий мы отмечаем зеркальное отображение взглядов самого автора текста – т.к. пилигримы мыслили, как мне представляется, теми же категориями, что и хронист.

«Сыны Израилевы». В послании к Галатийской церкви ап. Павел писал: *«Познайте же, что верующие суть сыны Авраама»* [4]. Таким образом, в своём послании апостол утверждает духовную преемственность ветхозаветных израильтян и новозаветных христиан, т.е. церкви в широком смысле. Мышление средневекового человека, в особенности совершавшего некое духовное подвижничество, нуждалось в сакральных аналогиях, отождествлении себя с «ними» - только тогда подвижничество могло приобрести значимость и законченный смысл. Путём параллельного анализа текста «Хроники» Генриха и библейских текстов мы попробуем выяснить категории, которые помогали им отождествлять себя с «героями веры».

Ценное свидетельство, касающееся употребления библейских аналогий в повседневности мы находим в упоминании Генриха о мистерии в Риге: *«В ту же зиму устроено было в центре Риги прекраснейшее представление о пророках... Содержание этого представления весьма тщательно передавалось переводчиком присутствовавшим новообращённым и язычникам. Когда воины Гедеона стали сражаться с филистимлянами, язычники, боясь, что их убьют, побежали, но их успокоили и позвали назад... это самое представление было как бы началом и предвестием будущего: в этом представлении были войны – Давида, Гедеона, Ирода;*

было и учение ветхого и нового завета, оно должно было дать наставление, как придти к истинному миротворцу и жизни вечной» [1, с. 82].

Данное упоминание позволяет сделать следующие выводы: во-первых, библейские аналогии были не только «делом» хрониста, но применялись и в повседневной жизни, с целью воздействия на сознание «паствы»; во-вторых, выбранные из контекста сюжеты-идеи Ветхого и Нового заветов становились определяющими факторами в формировании отношений язычник-пилигрим и придавало смысл пребыванию крестоносцев в Ливонии. Американские герменевты Гордон Фи и Дуглас Стюарт, перечисляя принципы толкования повествований, отмечали: *«Повествование содержит запись того, что произошло – не обязательно, что должно было бы произойти или должно происходить каждый раз. Следовательно, не каждое повествование имеет отдельную идентифицируемую мораль... Повествования могут учить либо прямо (ясно утверждая что-либо), либо косвенно (ясно подразумевая что-либо без утверждения)»* [5, р. 73-74]. Сюжетов, подобных рижской мистерии, мы больше не встречаем на страницах хроники. Таким образом, нам придётся далее прямо либо косвенно искать «идентифицируемую мораль» путём поиска библейских сюжетов, прямо или косвенно цитируемых Генрихом.

Чаще всего в хронике встречаются аллегории на таких библейских «героев-воителей» как Давид, Саул, братья Маккавеи. В одном из сражений с рижанами старейшина ливов Дабрел говорит такие слова: *«Крепитесь и сражайтесь филистимляне, чтобы не стать рабами евреев»* [1, с. 89]. Соответственно в книге Царств, в эпизоде одной из битв, филистимляне говорят: *«Укрепитесь и будьте мужественны, филистимляне, чтобы нам не быть в порабощении у евреев...»* [6]. Естественно, язычник Дабрел вряд ли был знаком с текстами Ветхого Завета. Хронист таким образом намеренно провёл параллель-аллегория: евреи-пилигримы – филистимляне-ливы. За пилигримов (сынов Израилевых) сражается сам Бог, а филистимляне-ливы, которые не хотят стать прозелитами, являются богопротивниками.

Пилигримы и Божественное провидение. В Евангелии от Луки есть история о чудесном улове рыбы, достигнутом благодаря вере апостола Петра: *«Когда же перестал учить [Иисус Христос – Ф.П.], сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть. Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась»* [7].

Наследник Петра, папа Иннокентий III, поучая крестоносцев, так толковал евангельский рассказ: *«Мои предшественники, хотя и много потрудились, однако почти ничего не уловили... Но когда во имя Божие забросили сеть – я и братья мои – мы захватили рыбы в изобилии – в Ливонии, обращая в христианство язычников...»* [8, с. 88]. В свете евангельских метафор, христиане, сидящие в лодке Петра-Иннокентия могли исполнять поручение Иисуса Христа (т.е. быть «ловцами человеков») только будучи направляемы Божественным провидением. Именно тогда, когда «во имя Божие» закидывалась сеть, достигался духовный эффект – расширялась паства. Любой успех или неудача чаще объяснялись средневековыми людьми как следствие Божественного изволения [9, с. 16]. В связи с этим, ещё большим сакральным смыслом наделялись события «браней Господних». Пилигримы, слушая проповедь Бернара Клервосского или Петра Пустынника, нуждались в целомом объяснении своей миссии в регионе, избранном Богом для осуществления своей роли. И такое объяснение находилось в русле восприятия ими категорий Божественного провидения.

Хронист Генрих начинает своё повествование с объяснения промысла Божия: *«Божественное провидение, помнящее о Раабе и Вавилоне, то есть о заблуждении*

язычников, вот каким образом в наше нынешнее время огнём любви своей пробудило от греховного сна идолопоклонников ливов» [1, с. 59].

Папа Урбан II после того, как его речь в Клермоне была прервана возгласами «Так хочет Бог!», использовал скрытый библейский мотив (сравним):

Урбан II	Книга Екклесиаст
<p>Ибо если бы не Бог, который присутствовал в ваших помыслах, не раздался бы столь единодушный глас ваш; и хотя он исходил из множества уст, но источник его был единым [10, с. 26].</p>	<p>Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря [11].</p>

Далее папа пояснил: *«Вот почему, говорю вам, что это Бог исторг из ваших уст такой глас, который Он же вложил в вашу грудь. Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо слово это произнесено Богом».*

Таким образом, предопределение выступало в восприятии пилигрима сложной по своему характеру структурой его мышления. Во-первых, поход в регион, избранный Богом, воспринимался как воля Господа. Во-вторых, пилигримы могли осознавать, что все их мысли, вызывающие в сердце благое рвение, уже изначально предопределены свыше. Естественно, второй уровень восприятия был свойственен немногим - главным образом, руководителям и вдохновителям похода. При этом, сам характер крестовой проповеди, т.е. насыщенность её библейскими аллегориями, только укреплял энтузиазм верующих, придавал ему качественно новый уровень: пилигримы не рассматривали присущий им религиозный энтузиазм как собственный – они знали, что «так хочет Бог».

Вывод: ассоциативное восприятие действительности. Таким образом, определившись с смысловым наполнением самоназвания пилигримов, а также охарактеризовав такие категории их мышления, как «сыны Израилевы», «Божие провидение», мы можем заключить: монахи и братья-рыцари Ливонии начала XIII в. существовали как бы в особом микромире, наполняемом идеями, имевшими свою степень оригинальности в конкретном месте и в определённый промежуток времени. Что значит «своя оригинальность»? Дело в том, что перечисленные мной выше категории мышления крестоносцев по своей сути не были чем-то новым для людей средневековья, но в применении к новым условиям новая ментальная реальность возникала путём синтеза старых понятий. Ранее несовместимые понятия войны и монашеского обета, меча духовного и меча земного соединялись теперь в применении к конкретному региону. В этом смысле и возникала «своя оригинальность», которая, в свою очередь, предполагала возникновение мира идей, наполнявших мыслительные категории.

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М., 1938.
2. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. – М., 1962.
3. Откровение Иоанна Богослова, 3:15-16 (все тексты Библии даются в русском Синодальном переводе).
4. Послание к Галатам св. Ап. Павла, 3:7.
5. Fee, Gordon, D. Stuart, D. How to read the Bible For all its Worth: a Guide to Understanding the Bible. The Zondervan Corporation, Grand Rapids, Michigan. Copyright 1982.
6. 1 Книга Царств, 4:9.
7. Евангелие от Луки, 5:4–6.
8. Герье, В. Расцвет западной теократии. Иннокентий III / В. Герье. – М., 1916.
9. Фоссье, Р. Люди средневековья / Р. Фоссье. – Спб., 2010.
10. Речь папы Урбана II на Клермонском соборе // Брандедж, Дж. Крестовые походы. М., 2011.
11. Книга Екклесиаст, 12:11.